

КОММУНИКАТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

ВЛ. ХОДАСЕВИЧА

Валентина Оттовна НОНЕНМАХЕР

Кандидат филологических наук, доцент
Кафедра русского языкознания, факультет зарубежной филологии
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан

В. ХОДАСЕВИЧНИНГ ЛИРИК ШЕЪРЛАРИНИНГ КОММУНИКАТИВ ТИПОЛОГИЯСИ

Валентина Оттовна НОНЕНМАХЕР

Филология фанлари номзоди, доцент
Рус тилшунослиги кафедраси, хорижий филология факультети
Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон миллий университети
Тошкент, Ўзбекистон

COMMUNICATIVE TYPOLOGY OF LYRICAL POEMS BY V. KHODASEVICH

Valentina Ottovna NONNENMACHER

PhD, Assistant Professor
The Department of Russian Philology, Faculty of Foreign Philology
National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan

UDC (УЎК, УДК): 808

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования):

Ноненмахер В.О. Коммуникативная типология лирических стихотворений Вл. Ходасевича// Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2021. — № 1 (36). — С. 19–27.

<https://doi.org/10.36078/1618554294>

Received: December 04, 2020

Accepted: February 12, 2021

Published: February 20, 2021

Copyright © 2021 by author(s).
This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация. Проблеме изучения коммуникативной структуры лирических стихотворений различных поэтов до настоящего времени уделялось недостаточно внимания. А между тем исследование этого явления способствует выявлению индивидуальной поэтики того или иного автора. Статья посвящена исследованию коммуникативной структуры лирических стихотворений Вл. Ходасевича, выявлению различных типов субъектов в его поэзии. Автор статьи доказывает, что в лирике поэта преобладает чистый «Я»-субъект, отражающий черты его внутреннего мира. Эта форма перволичностного повествования воплощена с помощью специального набора языковых средств (глаголов 1и 2 лица настоящего, будущего времени и 2 лица повелительного наклонения, личных и притяжательных местоимений, обращений, вопросов). Второе место по употребительности имеют у данного поэта стихи с имплицитным «Я»-субъектом, воплощенным в третьеличностном повествовании, переходящим иногда в перволичностное. Особое место в лирике Вл. Ходасевича занимают стихи, в которых представлено явление автоадресации, сопровождающееся «расщеплением» чистого «Я»-субъекта на «Я» физическое и духовное, «Я» разных временных срезов. Исследователь отмечает, что в этих стихах наблюдается «расщепление» не только адресата, но и нададресата, что способствует формированию эмоционального соучастия читателя. Чрезвычайно интересны рассмотренные в статье примеры стихов, в которых, вследствие смены «Я»-субъектов (ролевой и позиционный «Я» субъекты; чистый и

имплицитный «Я»-субъекты), а также при включении в стих прямой речи различных героев, обращенной к разным адресатам, возникает не только субъектное, но и адресатное многоголосие.

Ключевые слова: эксплицитный и имплицитный «Я»-субъекты; ролевой и позиционный субъекты, автоадресация, субъектное и адресатное многоголосие, коммуникативная типология.

Аннотация. Турли шоирларнинг лирик шеърлари коммуникатив структурасини ўрганиш муаммосига бугунги кунга қадар етарлича эътибор қаратилмаган эди. Ушбу ходисани тадқиқ қилиш эса у ёки бу муаллифни индивидуал шеърятини аниқлашга ёрдам беради. В.О. Ноненмахернинг мақоласи В. Ходасевич лирик шеърларининг коммуникатив тузилишини ўрганишга, унинг шеърятдаги ҳар хил турдаги субъектларни аниқлашга бағишланган. Мақола муаллифи шоирнинг лирикасида соф «МЕН», яъни уни ички дунёсини, қирраларини акс эттирувчи субъект устунлик қилишини исботлайди. Ушбу биринчи шахс номидан ҳиқоя қилиш шакли лисоний воситаларнинг махсус тўплами (фёълларнинг ҳозирги ва келаси замон I ва II шахслари, буйруқ майлининг II шахси, кишилиқ ва эғалиқ олмошлари, муружаатлар, саволлар) ёрдамида амалга оширилган. Ушбу шоирнинг шеърларида қўлланиши бўйича иккинчи ўринни имплицит «МЕН», яъни учинчи шахс, баъзи пайтларда биринчи шахс номидан ҳиқоя қилувчи субъект эгаллайди. В. Ходасевичнинг лирикасида автоадресация (адресантга йўналтириш) ходисасини камровчи, яъни соф «МЕН» субъекти жисмоний ва маънавий субъектга бўлинган шеърлар алоҳида ўрин эгаллайди. Тадқиқотчи ушбу шеърларда нафақат адресат, балки адресат усти ҳам «бўлиниши» ходисаси учрайди. Бу эса ўқувчиларни эмоционал қатнашишини шаклланишига ёрдам беради. Мақолада кўриб чиқилган шеърлар намунаси, айниқса, шеърга турли қахрамонларни турли адресатларга қаратилган кўчирма гаплари кўшилиши оқибатида нафақат субъект, балки адресат кўп овозлик пайдо бўлади.

Калит сўзлари: эксплицит ва имплицит «МЕН» субъектлари; ролли ва позицион субъектлар, автоадресация, субъект ва адресат кўп овозлик, коммуникатив типология.

Abstract. Until now, insufficient attention has been paid to the problem of studying the communicative structure of lyric poems by various poets. Meanwhile, the study of this phenomenon contributes to the identification of the individual poetics of one or another author. Article is devoted to the study of the communicative structure of lyric poems by V.I. Khodasevich, identifying different types of subjects in his poetry. The author of the article proves that pure "I" prevails in the poet's lyrics — a subject reflecting the features of his inner world. This form of primary narrative is embodied with the help of a special set of linguistic means (verbs in 1st and 2nd person of the present, future tense and 2nd person of the imperative mood, personal and possessive pronouns, addresses, questions). The second place in terms of usage belongs to this poet's poems with an implicit "I" -subject, embodied in the third personal narrative, sometimes turning into a primary one. A special place in the lyrics by V.I. Khodasevich are the poems in which the phenomenon of auto-addressing is presented, accompanied by the "splitting" of the pure "I" -subject into the "I" physical and spiritual, "I" of different times. The researcher notes that in these verses there is a "splitting" not only of the addressee, but also over the addressee, which contributes to the formation of the reader's emotional

complicity. The examples of verses considered in the article are extremely interesting, in which, due to the change of "I" – subjects (role and positional "I" subjects; pure and implicit "I" – subjects), as well as when the direct speech of various characters is included in the verse, addressed to different addressees, not only subjective, but also addressee polyphony arises.

Keywords: explicit and implicit "I" – subjects; role and positional subjects, auto addressing, subject and target polyphony, communicative typology

Проблема коммуникативной организации русской лирики неоднократно привлекала внимание исследователей художественной картины мира, представленной в том или ином поэтическом идиолекте. Это труды таких учёных, как Ю. И. Левин, И. И. Ковтунова, М. Ю. Максимов, О. Г. Ревзина, Н. А. Фатеева. Предметом нашего рассмотрения стала коммуникативная структура стихотворений Вл. Ходасевича.

О. Г. Ревзина справедливо отмечала, что «важнейшими параметрами коммуникативной структуры являются эксплицитное/имплицитное выражение внутренней рамки (внутренний отправитель — внутренний адресат), константность или подвижность, осложненность / неосложненность, тип субъекта — отправителя и получателя речи. Эксплицитное выражение субъекта речи имеет место в перволичностной форме; в третьеличностной форме он выражен имплицитно» (2, 36). В поэзии чаще всего используется эксплицитное «Я», в роли которого «может выступать как собственно лирическое «Я» (лицо, почти или полностью совпадающее с реальным автором, или же сконструированный образ лирического героя), так и лицо, заведомо отличное от реального автора (например, женщина, когда автор — мужчина), а также неодушевлённый объект» (1, 29).

Рассмотрим типы внутреннего отправителя (субъекта описания или субъекта речи), нашедшие применение в лирике Вл. Ходасевича.

1) Активно используется в поэзии Ходасевича чистый «Я»-субъект, выражающий черты внутреннего мира автора, его характер, особенности его душевного склада: болезненную раздвоенность, стремление к преодолению себя и обстоятельств, высокую нравственную позицию. Чистый «Я»-субъект, то есть внутренний отправитель, в которого трансформировался принадлежащий внеязыковому миру автор, находит отражение в стихотворениях «Вариация», «В моей стране», «Нет, молодость, ты мне была верна», «Вокруг меня кольцо сжимается» и многих других. В этих стихотворениях налицо языковые показатели, эксплицирующие присутствие личностного «Я». В приведённом ниже стихотворении это личное, притяжательное местоимения и глаголы 1 лица единственного числа настоящего времени, повелительного наклонения в форме 2 лица, обращение. При этом в первой строфе лирический герой представляет собой физическое, а в последующих — духовное «Я».

*Вновь эти плечи, эти руки
Погреть я вышел на балкон.
Сижу, — но все земные звуки —
Как бы во сне или сквозь сон.*

*И вдруг, изнеможенья полный,
Плыву: куда — не знаю сам.
Но мир мой ширится, как волны
По разбежавшимся кругам.*

*Продлись, ласкательное чудо!
Я во второй вступаю круг
И слушаю, уже оттуда,
Моей качалки мерный стук («Вариация»).*

В стихотворении «Кузина плачет» чистого «Я»-субъекта выявляют обращение «кузина», личные и притяжательные местоимения 1 и 2 лица («к тебе», «моим», «твоим») формы повеления («не плачь» «поверь», «смотри»), приобретающие значение совета, а также вопрос — утверждение и восклицательное предложение (приводим последнюю строфу):

*Не плачь! Ужели не отдаст она
Моим устам твои уста?
Смотри, какая тень распластана
От белого куста!*

2) Часто встречаются в лирике Вл. Ходасевича стихотворения, построенные в форме третьеличного повествования, переходящего в перволичностное в конце/ середине стиха. Это может быть позиция незримого очевидца, наблюдающего явления природы и способом их изображения представляющего свое видение мира; позиция повествователя, раскрывающего событийный сюжет; позиция мыслителя, предающегося философской медитации (1, 37). Данный тип внутреннего отправителя встречается в стихах «Поэтическая элегия», «За окном — ночные разговоры», «Вечер», «Путём зерна» и др. Ведя повествование от 3 лица, лирический герой отдаляется, наблюдая за картиной со стороны, но когда повествование переходит в перволичностное, то он как бы приближается, проявляясь в тексте с помощью форм личных, притяжательных местоимений 1, 2 лица, вопросов, обращений. Так, в первом фрагменте стихотворения «Путём зерна» коммуникативная рамка, в которой отсутствуют эксплицированные адресант и адресат и потому не выражена апеллятивность, обуславливает максимальную обобщённость сообщения. Читатель воспринимает автора-повествователя как глашатая «вечной истины». При переходе в перволичностное повествование указателями на образ лирического героя становятся формы притяжательного и личных местоимений («моя», «ты», «нам»), наименование его духовной ипостаси («душа моя»), обращения и формы 2 лица глаголов будущего времени. Особенностью коммуникативной структуры второго фрагмента этого стиха становится провозглашение

общности пути лирического героя и таких его адресатов — крупных реалий, как страна, народ:

*Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же или путям.
Сверкает золотом в его руке зерно
Но в землю чёрную оно упасть должно.
И там, где червь слепой прокладывает след,
Оно в заветный срок умрёт и прорастёт.
Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт — и оживёт она.
И ты, моя страна, и ты, её народ,
Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.*

3) Особое место в лирике Вл. Ходасевича занимают автоадресованные стихотворения, в которых автор апеллирует к себе как к человеку, как к поэту. Здесь может наблюдаться расщепление лирического «Я» на тело/ душу, сознание; на «Я» прошлого и настоящего временных срезов. К разным ликам своего «Я» автор апеллирует в стихотворении «Перешагни, перескочи...»:

*а) Перешагни, перескачи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
б) Сам затерял — теперь ищи...
Бог знает. Что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.*

Первый фрагмент текста представляет собой автоадресованное обращение субъекта речи к своему внутреннему «Я». Адресант требует от себя осуществления действий активных, решительных, исключающих рефлексирование, жалость к себе. Отслоение префикса «пере-», маркированное дефисом, усиливает экспрессивную напряжённость речи и актуализирует семантику преодоления противоположной позиции, закрепощающей, косной. Вместе с тем формы повеления «перешагни», «перескочи», «перелети», «вырвись» приобретают обобщённый смысл, поскольку одновременно обращены и к внешнему адресату — тому лицу, которому близки эти императивы. Автоадресация здесь совмещается с адресацией к читателю. Второй фрагмент стиха меняет свой коммуникативный статус. Монолог-обращение к высшему «Я» вытесняется негромким бормотанием, в котором автор апеллирует к своему физическому «Я», укоряя себя за собственные реальные действия.

Явление автокоммуникации представлено и в стихотворении «Нет, молодость, ты мне была верна». В отличие от рассмотренного выше стиха субъект речи обращается здесь к своему прошлому отрезку жизни. Чрезвычайно оригинально в отношении явления автоадресации и стихотворение «Перед зеркалом»:

*Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот - это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?*

*Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах,-
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?*

*Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть,-
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?*

«Я», употреблённое в начальной строке стихотворения, имеет широкий, неопределённый смысл: это целое жизни человека; «тот» — это отчуждённое «Я», настоящее, отражённое в зеркале; «Я» — «мальчик, в Останкине летом танцевавший на дачных балах» и «тот, кто в полночные споры всю мальчишечью вкладывал прыть» — это «Я» иного, прошлого временного отрезка жизни. Как видим, в стихотворении противопоставлены друг другу два «Я»: «Я» — настоящий, отражённый в зеркале, «всезнающий, как змея», и «Я» — непосредственный, чистый, открытый миру юноша, почти мальчик. Это противопоставление выявляет изменения, происшедшие с автором за промежуток времени между прошлым и настоящим.

Явление автоадресации наблюдается и в стихотворении «Душа». Приводим текст в сокращении:

*О жизнь моя! За ночью ночь. И ты, душа, не внемлешь миру.
Усталая! К чему влачить уставшую свою порфиру?
К чему рукоплескать шумам?
Живи на берегу угрюмом.
Там, раковины приложив к ушам,
внемли пленённым шумам —
Проникни в отдалённый мир: глухой старик ворчит сердито,
Ладья скрипит, шуришит весло, да вопли — с берегов Коцита.*

Поэт обращается здесь к целому своей жизни и к высшему «Я», собственной душе. Функцию апелляции осуществляют не только обращения — коммуникативные метафоры («О жизнь моя!», «душа усталая») и формы 2 лица настоящего времени глаголов, но и «сильные» признаки диалога: вопросы и повеления. В этом стихе 3 вопроса, два из них — эмоционально окрашенные вопросы-отрицания («К чему влачить уставшую порфиру? К чему рукоплескать шумам?»), а один участвует в организации вопросно-ответной структуры. Как и вопросы, формы повеления глаголов «живи», «внемли», «проникни» адресованы в первую очередь поэтом к самому себе, к своему душевному «Я». Однако адресатом перечисленных процессуальных состояний может быть не

только «Я» поэта, но и всякий, кому близко подобное мировосприятие. Сохраняя элемент побудительного значения (к себе), эти формы приобретают дополнительное модальное значение совета, обращенного к неопределённому адресату, читателю. Следовательно, здесь имеет место расширение не только адресанта, но и адресата. Читатель оказывается эмоциональным участником автодиалога.

4) Имплицитные формы выражения субъекта речи встречаются в творчестве Вл. Ходасевича реже, чем эксплицитные. Имплицитный «Я»-субъект представлен в третьеличностной форме таких стихотворений, как «Слепой», «Мельница», «Было на улице полутемно», «Дачное» и других. Так, в стихотворении «Слепой» доминирует мотив утраты контакта героя с действительностью, невозможность для него полноценного восприятия мира, а следовательно, проникновения в его суть. Особо необходимо отметить присутствующую в тексте семантику зеркальности, механического отражения окружающего, причём «зеркало» (бельма слепого) может быть осмыслено ещё и как непреодолимая преграда, граница между героем и окружающим его миром. Наблюдателем-очевидцем данной картины является 3-е лицо, повествователь:

*Палкой щупая дорогу,
Бродит наугад слепой.
Осторожно ставит ногу
И бормочет сам с собой.
А на бельмах у слепого
Целый мир отображен:
Дом, лужок забор, корова,
Ключья неба голубого —
Всё, чего не видел он.*

5) В стихотворениях «Возвращение Орфея», «Рыбак», «Бегство», «Успокоение» имеет место ролевой «Я»-субъект. По определению О. Г. Ревзиной, «ролевой субъект представлен тогда, когда чистый «Я»-субъект, сохраняя право авторского голоса, принимает на себя определённую роль или маску — фольклорную, романтическую и т.п.» (2, 38).

Ярким примером такого построения текста служит стихотворение «Джон Боттом». В целом текст построен в стиле старинной английской баллады, представляющей собой стихотворное повествование о неизвестном солдате от лица сказителя, близкого по мироощущению простому народу. Форма «мы» и лексическое наполнение высказывания «Их били мы, как моль» в 21 строфе позволяют обозначить этот образ сказителя. Внутренним адресатом текста выступает его слушатель, внешним — читатель. При этом голоса сказителя и героя, Джона, часто сливаются в вопросах-предположениях («*Иль это так почудилось слегка? Как будто стукнула сильней чугунная рука*»), в эмоционально окрашенном повелении, сопровождающемся обращением к временному отрезку («*Проклятье вечное тебе, 14 год!*»), в риторическом вопросе-отрицании, сопровождающемся последующим мотивирующим пояснением. Субъектом речи становится не только сказитель и герой, но и всякий, оказывающийся в подобной ситуации: «*Да что тут делать? Всё равно с собой не заберёшь*». Глаголы 2 лица ед. числа будущего

времени, выражающие личные переживания в обобщенной форме, несут узуальный смысл и приобретают вневременное значение. В повествование сказителя вклиниваются прямая речь Джона, его жены Мэри, апостола Петра. При этом Джон обращается то с вопросом или требованием к Богу, то с просьбой-мольбой к апостолу Петру. В построении его речи участвуют вопросы, формы повеления, восклицательные предложения, например: «*К чему мне плотничья рука? Отдайте мне мою!*». Языковыми сигналами адресованности прямой речи Мэри к Джону к соседям служит повтор обращения, сопровождаемого междометием и восклицательной интонацией («*О Джон, мой милый Джон!*»), вопросительно-отрицательное построение, обрамлённое восклицательными высказываниями: «*Не хочу! Я Джону лишь верна! К чему мне обций и ничей? Я Джонова жена!*» Благодаря включению прямой речи различных персонажей («Я» — сказитель, «Я» — Джон, «Я» — Мэри, «Я» — апостол Пётр), обращенной к разным адресатам, в этом стихотворении имеет место субъектное и адресатное многоголосие.

б) Единичны случаи использования в лирике Ходасевича так называемого позиционного «Я»-субъекта. Это стихотворения «Голос Дженни», «Рай», «У моря», в которых право авторского голоса передаётся целиком или на отрезке текста — реальному или историческому лицу, литературному герою или вымышленному персонажу. Так, стихотворение «Голос Дженни» построено от лица умершей женщины и адресовано её любимому мужу, Эдмонду. Оно начинается с серии вопросов Дженни:

*Мой любимый, где ж ты коротаешь
Сиротливый век свой на земле?
Новое ли поле засеваешь?
В море ли уплыл на корабле?*

Обращение «мой любимый», включенное в лирический вопрос, за которым следует альтернативный ряд вопросов, повторяется в четвёртой строфе стиха. В третьей строфе происходит переключение лиц: Дженни говорит о себе в третьем лице, то есть наблюдается своеобразное отчуждение «Я»:

*Полно! Для желанного свиданья,
Чтобы Дженни вновь была жива,
Горестные нужны заклинанья,
Слишком безутешные слова.*

В последних строках субъектом речи вновь выступает душа Дженни: форма повеления несёт здесь значение просьбы-мольбы: «*О, не кличь бессильной скорбной тени, Без того мне вечность тяжела!*» Формы «я» и «ты» сменяются в шестой строфе на «мы», «наше», чтобы далее разойтись на «ты» и «вы»:

*Помнишь ли, как просто мы любили,
Как мы были счастливы вдвоём?
Ах, Эдмонд, мне снятся и в могиле
Наши нива, речка, роца, дом.*

*Средь живых ищи живого счастья,
Сей и жни в наследственных полях.
Я тебя земной любила страстью,
Я тебе земных желаю благ.*

Таким образом, в лирической поэзии Владислава Ходасевича обнаруживаются различные типы субъектов. Доминирующее положение занимает тип чистого «Я»-субъекта. Второе место по частоте употребления занимают стихотворения, построенные в форме третьеличного повествования (с имплицитным «Я»-субъектом), переходящего в перволичностное повествование (с эксплицитным чистым «Я»-субъектом) на разных участках стихотворения.

Помимо апелляции к адресатам — лицам или не лицам, в лирике Ходасевича встречается явление автоадресации, сопровождаемое расщеплением чистого «Я»-субъекта на «Я»-физическое и духовное; на «Я» прошлого и настоящего временного периода жизни. Среди автоадресованных стихов с чистым «Я»-субъектом встречаются и такие, в которых имеет место расщепление не только адресата, но и над адресата, сопровождающееся «втягиванием» во внутреннюю структуру текста читателя, формированием его эмоционального соучастия.

Наконец, в ряде стихотворений Вл. Ходасевича наблюдаются случаи не только субъектного, но и адресатного многоголосия. Это явление может возникать как вследствие смены «Я»-субъектов (ролевой или позиционный «Я»-субъект / чистый «Я»-субъект, / имплицитный субъект третьеличного повествования), так и при включении в текст стихотворения прямой речи разных субъектов, апеллирующих к разным адресатам.

Использованная литература

1. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 464–482.
2. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. АДД. — М., 1998. — 86 с.

References

1. Levin Yu. I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* (Selected works. Poetics. Semiotics), Moscow, 1998, pp. 464–482.
2. Revzina O.G. *Sistemno-funktsional'nyi podkhod v lingvisticheskoi poetike i problemy opisaniya poeticheskogo idiolekta* (System-Functional Approach in Linguistic Poetics and Problems of Describing Poetic Idiolect), Extended abstract of Doctor's thesis, Moscow, 1998, 86 p.